

— Туфли я велел почистить и отправил тебе домой, поищи для него хозяина получше.

— Надеюсь, в следующий раз подарок не заставит меня кровоточить. Иначе я его просто не приму.

Гу Цзэ говорил неторопливо, зажга сигарету и затягиваясь, но его слова, упав в душу Чжао Личуаня, показались тяжелее тысячи цзиней.

У Чжао Личуаня вертелось на языке множество слов, они долго бродили в горле, но в конце концов он проглотил их все разом. То, что Гу Цзэ вот так публично лишил его лица, доказывало: в сердце того бушует пламя. Чжао Личуань уже не смел отнекиваться или оправдывать свои нелепые трюки, которые так легко разоблачили.

Помолчав немного, он выдавил из себя улыбку и виновато произнес:

— Прости, А-Зэ, я понял, больше это не повторится. Не сердись на меня.

Гу Цзэ бросил на него мимолетный взгляд, похлопал по плечу и добавил:

— Садись на свое место, скоро все начнется, а я пойду выкурю сигарету.

Сказав, что идет курить, Гу Цзэ на самом деле хотел уединиться в тихом месте и проверить, не появились ли новости о главном герое-активе, на поиски которого он отправил людей.

В последние дни в его голове смутно вырисовывался чей-то силуэт: рослый, с широкими плечами, с высоким переносицей и глубоко посаженными глазами, похожий на метиса. Гу Цзэ попытался набросать несколько профилей в кабинете на вилле, но все они вышли нечеткими. Он велел людям заняться поисками, но особых надежд не питал.

И действительно, принесенные вести радостными не назовешь. Однако Гу Цзэ не пал духом: он открыл список уже обнародованных лотов, пролистал до последних страниц, сделал скриншот описания белой нефритовой табакерки и переслал подчиненному, приказав отследить первоначального владельца по цепочке ее владельцев.

Закончив с этим, Гу Цзэ потушил сигарету, которая уже догорала до самых пальцев, и вернулся в аукционный зал. К этому моменту гости почти полностью заняли свои места и тихонько переговаривались между собой. Стоило появиться Гу Цзэ, как в зале мгновенно стало тише.

Хотя Гу Цзэ привык всегда быть в центре внимания, он вовсе не считал себя настолько грозным. Его место находилось в первом ряду, и, прежде чем сесть, он бегло окинул взглядом помещение — и заметил, что многие присутствующие с усмешкой разглядывают его и сидящего в самом последнем ряду Цинь Ся.

Гу Цзэ все понял: сплетни — это и впрямь главная движущая сила прогресса.

Последние несколько лет они с Цинь Ся всюду появлялись вместе, и на подобных мероприятиях он обычно усаживал Цинь Ся в первом ряду. Но сегодня место Цинь Ся оказалось на галерке — разумеется, потому что Гу Цзэ заранее предупредил его о своем единоличном прибытии. Без его покровительства Цинь Ся, судя по его собственному происхождению и положению, мог рассчитывать лишь на задворки.

У Гу Цзэ было отличное зрение, и даже издали он заметил, как Цинь Ся впери́л в него взгляд. Пухлое личико слегка надулось, большие глаза заволокло влажной дымкой, в них читалась немая мольба и обида — вылитый невинный юноша, которого безжалостно бросил бессердечный негодяй.

Гу Цзэ прекрасно его знал: капризный ребенок с вздорным характером. Даже будучи неправым, он ни за что не склонит голову и не извинится, а уж теперь, когда его в полном недоумении отодвинули в сторону, сколько бы тревоги ни таилось в его сердце, он станет лишь держать гордый вид и ждать, пока Гу Цзэ придет его утешать.

Но у самого Гу Цзэ терпения было кот наплакал: стоило аукциону подойти к концу, как, заметив, что Гу Цзэ по-прежнему не собирается с ним разговаривать, Цинь Ся наверняка прибежал бы сюда и устроил публичную истерику со слезами и криками.

Подумав об этом, Гу Цзэ слегка приложил руку к лицу, чувствуя легкую головную боль, и решил, что после окончания торгов уйдет пораньше.

Размышляя об этом, Гу Цзэ присел и, вспомнив кое о чем, оглянулся назад.

Сейчас практически весь зал с молчаливым пониманием переглядывался и перемывал косточки ему и Цинь Ся, и лишь двое в третьем ряду оживленно беседовали, словно не замечая ничего вокруг.

Этот мальчишка из семьи Сун и вправду был совсем юн, этакий зеленый юнец, даже взгляд толком спрятать не умеет. Когда он смотрел на И Яньци, его зрачки зеленели, как у паука, отчего Гу Цзэ аж передернуло. Он терпеть не мог пауков, поэтому отвернулся и больше не стал смотреть.

Аукцион вел лично Чжун Юйсю, и он действительно уже вполне справлялся в одиночку. Первая половина торгов шла размеренно, четко и слаженно.

Гу Цзэ слышал, как старшие из кланов вокруг хвалили его, говоря, что некогда самый беспутный парень теперь образумился, и все в таком духе. При этом некоторые то и дело бросали взгляды на него самого. Гу Цзэ невольно сжал кулаки.

Половина торгов уже миновала, но Гу Цзэ так и не поднял табличку. Чжао Личуань наклонился к нему и спросил:

— А-Зэ, неужели ничего не приглянулось? Может, возьмешь что-нибудь ради приличия?

Он пришел сюда сегодня отчасти для того, чтобы поддержать лицо старого товарища. Дать понять тем, кто начал строить козни после смерти старика Чжуна, что худой дохлый верблюд все равно крупнее лошади. Переплетенные за долгие годы связи между влиятельными семьями невозможно разрушить в один миг. Именно поэтому Гу Цзэ никак не мог просто сидеть сложа руки: если бы он все время бездействовал, это сочли бы за равнодушие и вызвало ненужные подозрения.

— Есть, — Гу Цзэ легко постучал пальцами по подлокотнику. — Я жду.

Чжао Личуань только хотел спросить, чего именно он ждет, как Гу Цзэ чуть приподнял подбородок:

— Началось.

Чжао Личуань проследил за его взглядом и увидел, как на большом экране медленно проступило изображение изящной белой нефритовой табакерки. По мере того как вереницы иероглифов разворачивались словно свиток, Чжао Личуань услышал пояснения Чжун Юйсю и слегка нахмурился:

— Тебе нужна именно она? Вещь, безусловно, коллекционная, но возраст не такой уж древний, послединастийная.

Заметив, что Гу Цзэ молчит, Чжао Личуань добавил:

— Хочешь — делай ставку, стартовая цена вряд ли будет высокой. Если назовешь свою цену, наверняка сразу перебьешь всех, вряд ли кто-то станет с тобой соперничать.

Гу Цзэ вдруг легко усмехнулся:

— Тут уж как знать.

Чжао Личуань озадаченно посмотрел на него: ему казалось, что сегодня Гу Цзэ ведет себя как-то иначе, хотя в чем именно заключалась эта разница, он понять не мог.

— Белая нефритовая табакерка, начальная цена — десять тысяч.

Как и говорил Чжао Личуань, стартовая цена оказалась невысокой. Гу Цзэ не стал поднимать табличку сразу, а обернулся и бросил взгляд на сидевшего сзади И Яньци.

Тот больше не разговаривал с соседом, сидел прямо, глядя перед собой. Стоило Гу Цзэ повернуться, как их взгляды встретились. В глазах И Яньци на мгновение мелькнуло редкое замешательство — словно он удивлялся, с чего это Гу Цзэ вдруг уставился на него.

Гу Цзэ бросил взгляд на лежавшую рядом с И Яньци номерную табличку, которую тот до сих пор даже не брал в руки, и убедился, что покупать эту табакерку тот явно не собирался. Значит ли это, что он вздумал соревноваться с ним назло?

Что ж, проверка покажет.

Гу Цзэ уже собирался поднять табличку, как вдруг его кто-то опередил. Сзади раздался зычный голос:

— Пятьдесят тысяч!

Какое-то мгновение Гу Цзэ даже думал, что это кричит Цинь Ся — в конце концов, по сюжету тот влюбился в эту табакерку с первого же взгляда, и сама судьба толкала его навстречу главному герою-активу.

Но голос был другим.

Гу Цзэ обернулся и посмотрел на незнакомого мужчину средних лет, сидевшего в самом дальнем углу последнего ряда и только что опустившего табличку. Многие повернулись следом за Гу Цзэ, и от такого пристального внимания мужчина немного занервничал:

— Чт-что пялитесь? Не видели, как ставки делают, что ли?

Его манеры и аура совершенно не вязались с обликом приглашенных гостей. Заподозрив неладное, Гу Цзэ перевел взгляд на сцену: Чжун Юйсю с полуслова понял его, взмахом руки велел охране проверить пропуск этого человека. Проверка показала, что тот оказался чужаком.

— Проверьте и того, кто сидит рядом с ним, — у Гу Цзэ был острый глаз. Стоило ему это произнести, как все заметили худощавого юношу, сидевшего подле мужчины средних лет. До этого он сжался в комок, прикидываясь невидимкой, а сейчас его вдруг назвали по имени. Его узкие глаза мгновенно стали острыми, и обжигающий взгляд полоснул по затылку Гу Цзэ через несколько рядов.

Гу Цзэ позволил ему смотреть — он как раз только что вспомнил. В оригинале перед тем, как они с И Яньци затеяли соперничество в торгах, в них участвовали еще два человека, которые в итоге были вынуждены сойти с дистанции из-за непомерно взлетевшей цены. Сначала Гу Цзэ не придавал этому особого значения, но теперь всё сходилось: эти двое, похоже, явились сюда целенаправленно ради табакерки.

Люди главного героя-актива.

Гу Цзэ был практически в этом уверен.

Выходит, его щупальца уже дотянулись до самого его окружения. В его сердце мгновенно всколыхнулся азарт соперничества, а желание столкнуться лицом к лицу с этим так называемым избранником небес из мира романа достигло предела.

Ему безумно хотелось узнать, от рук какого человека ему суждено было погибнуть.

Худощавого юношу и мужчину средних лет выпроводили прочь — они явно явились сюда подготовленными. Подумав, Гу Цзэ понял, что в книге они сошли с дистанции вовсе не из-за нехватки денег, а из-за страха привлечь к себе излишнее внимание и вызвать подозрения.

Похоже, эта табакерка действительно была крайне важна для того главного героя.

Размышляя о том, как извлечь из этой вещицы выгоду и захватить инициативу в дальнейшем, Гу Цзэ неторопливо поднял табличку:

— Пусть человек и подставной, но деньги настоящие. Приложишь столько усилий, чтобы пробраться на аукцион старика Чжуна и почтить его память деньгами — какое трогательное усердие, — он цыкнул языком и добавил: — Перебиваю, сто тысяч.

По правде говоря, Чжун Юйсю немного растерялся из-за этого небольшого инцидента. Он лично контролировал подготовку мероприятия, и допустить такую грубую оплошность, позволив чужаку проскользнуть внутрь, — это, несомненно, ставило под угрозу безопасность собравшихся гостей. Слова Гу Цзэ помогли сгладить неловкость, и Чжун Юйсю подхватил:

— Сто тысяч, раз!

Гу Цзэ делал ставку впервые за весь день, к тому же лот был мелким, и все вокруг думали, что вряд ли кто-то окажется настолько слеп, чтобы вздумать конкурировать с ним. Лишь сам Гу Цзэ сидел закинув ногу на ногу и отбивал пальцами легкий ритм.

— Пять, четыре...

— Сто тысяч, два!

— Три, два...

— Сто тысяч, тре...

— Один.

— Двести тысяч.

Табличка взметнулась, прозвучал голос, и по залу пронесся глухой ропот. Все, кроме Гу Цзэ, изумленно уставились на бесстрастного, спокойного юношу, только что назвавшего сумму в двести тысяч.

Чжао Личуань сообразил быстрее остальных: он лишь на секунду оторвал взгляд от цифр и снова посмотрел на сидевшего рядом Гу Цзэ. До него с запозданием дошло, что прежний обратный отсчет Гу Цзэ вел как раз до момента, пока И Яньци не поднимет табличку.

Откуда он знал, что И Яньци сделает ставку? И почему на его лице появилось именно такое выражение?

Насмешливое, беспомощное и в то же время тронутое капелькой... снисходительности.

Однако самое худшее для душевного равновесия Чжао Личуаня было еще впереди: он услышал, как Гу Цзэ слегка приоткрыл тонкие губы и, не оборачиваясь, бросил:

— Яньци.

В зале воцарилась абсолютная тишина, даже сам И Яньци застыл на месте, словно пригвозжденный к полу этими двумя словом, а его зрачки чуть расширились.

Между тем зачинщик по-прежнему держался непринужденно:

— Ты что, забыл, мы же с тобой законные супруги со штампом в паспорте, одно целое, с кем это ты собрался соревноваться?

После мгновенного оцепенения зал разразился хохотом.

Остальные понятия не имели, с чего вдруг потеплели отношения между этими парнями из союза по расчету, но раз уж они действительно состояли в законном браке, то теперь все дружно принялись подшучивать над ними:

— И то верно, чего вы тут оба торгуетесь, в конце концов ведь все равно с одной карты спишут?

<http://bllate.org/book/25762/3080261>